

Михал Клеофас Огиньский: время и события

Еще в 1982 году вышла моя книга очерков быта и нравов «Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя», в 2009 году ее фактически переиздали под названием «Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі». Основана она была на немногочисленных «Диариушах», написанных преимущественно не для печати, а для семейного пользования — как поучения, адресованные детям и внукам. Названные издания вызвали интерес. Посыпались предложения: а почему бы мне не описать подобные отображения прошлого, основываясь на мемуарах XIX века, что будет более объективно, чем в художественных произведениях, но живее и ярче, чем в архивных документах?

Что мог я ответить? Только то, что будто предвидел такие обращения, поэтому в свое время, еще работая в АН БССР, во время командировок в Москву и Ленинград, Вильнюс и Львов, Краков и Лондон в различных библиографических справочниках и

библиотечных картотеках вылавливал соответствующие публикации с белорусской тематикой, делал оттуда выписки и ксерокопии. Собралось с десятков папок и упаковок. И вот лежат они, дожидаясь своего часа. Наверное, дальше откладывать нельзя...

И начинаю я свой цикл статей о жизни и быте наших предков позапрошлого столетия с «Мемуаров» Михала Клеофаса (второе имя обязательно — чтобы отличать от имени его дяди, тоже композитора и тоже общественного деятеля Михала Казимира) Огиньского. Иной читатель может объяснить такой выбор легко и просто: 25 сентября исполнилось 250 лет со дня рождения автора полонеза «Прощание с Родиной». Но на самом деле все гораздо сложнее.

Во-первых, «Мемуары» Михала Клеофаса имеют, так сказать, переходный характер между XVIII и XIX столетиями, связывают их. Наброски для более поздних воспоминаний сделаны автором в Варшаве, Гааге, Лондоне, Берлине и Петербурге еще в 1780 — 1790-е годы, еще вне Беларуси (Могилев здесь — исключение), а окончательная обработка началась только в 1815 году в Залесье, уже на белорусской земле.

Во-вторых, работая над воспоминаниями, Огиньский преследовал те же цели, что и мемуаристы XVIII века: ознакомление друзей с исторической правдой, воспитание на ней своих детей и внуков. Автор, как мне видится, хотел доказать, что упадок Речи Посполитой начался не при последнем ее короле, уроженце белорусских земель Станиславе Августе Понятовском, а гораздо раньше — со смертью Яна Собеского, когда на престол стали претендовать другие, соседние и не соседние страны. Надо отметить, что в «Мемуарах» Огиньского не так уж много чисто бытописательских моментов, хотя и они есть, конечно. Главным образом автор концентрирует внимание на общественных, государственно-политических и духовно-нравственных аспектах жизни.

Почти 60 лет изучения

Интерес к Михалу Клеофасу появился у меня еще в 1957 году. Как-то раз, во время отпускной поездки на малую родину в Островецкий район, на станции в Залесье я стал невольным свидетелем разговора двух пожилых спутников: что, мол, когда-то здесь проживал автор полонеза «Прощание с Родиной». На мой недоуменный вопрос, откуда это известно, мне ответили: «Из его воспоминаний на польском языке».

Уже в Минске я отправился за информацией в «Ленинку». Но там, заглянув в московские энциклопедии, сказали: такое невозможно, ибо Михал Клеофас Огиньский родился около Варшавы, жил в литовском имении Огинты, называл себя литовцем, а имений, «находящихся за лесом», в славянских странах много. К тому же воспоминания его написаны не на польском, а на французском языке. И вообще, незачем нам присваивать себе разных там князей и графов.

Но даже после таких категорических слов сомнения у меня остались. Поэтому летом следующего года во время очередного отпуска я поехал в Вильнюс, в университетскую библиотеку, богатую на дореволюционную польскую литературу, и там обнаружил переведенные неизвестным автором на польский язык и изданные в Познани воспоминания Огиньского «О Польше и поляках». Бегло просмотрел первые разделы, тематически не связанные с белорусскими землями. И наконец обнаружил строки, касающиеся 1802 года, когда после участия в восстании во главе с Тадеушем Костюшко и восьмилетних скитаний по странам Европы Михал Клеофас вернулся на родину — уже в Российскую империю, надеясь на милость только что вступившего на престол Александра I. Но унаследованные земли, принадлежавшие его предкам с белорусской фамилией Глушенок и размещенные на территории Витебской и Минской губерний, оказались уже конфискованными. Тогда на помощь пришел престарелый брат отца Михала Клеофаса — владелец деревянного молодецненского замка Франтишек Ксаверий Огиньский. Он подарил своему совсем обедневшему племяннику имение Залесье. И в комментариях я наконец обнаружил искомое: это большое имение находилось «в 14 милях от Вильно по дороге на Минск».

Тогда же из различных источников мне стало известно, что, став владельцем Залесья, Михал Клеофас перевез туда свою вторую жену (первая, Изабелла из Лясоцких, не могла простить ему, что он израсходовал семейное золото на вооружение повстанцев Костюшко) — встреченную в Вильно дочь венецианского гондольера Марию Нери, которой был выхлопотан графский титул. Вместо старого, деревянного, здания дворца виленские архитекторы построили новое, кирпичное, соединенное с роскошной оранжереей. В парке установили памятник гувернеру владельца Жану Роле (Ролею), а также камень с польской надписью *Cieniem Kosciuszki* («Теням Костюшко») — как ответ на полученную в 1816 году из Швейцарии весть о смерти руководителя восстания.

Насколько можно судить по «Мемуарам», в Залесье Огиньского часто навещали царские сановники, отправлявшиеся в Западную Европу и возвращавшиеся оттуда. В оранжерее хозяином и заезжими музыкантами устраивались концерты. До обеда Михал Клеофас, как правило, сидел над «Мемуарами» либо сочинял музыку, но не считал ее серьезным занятием. После же обеда прогуливался по окрестным лесам, полям и берегам Вилии. Прислушивался к жатвенным крестьянским песням, отзвуки которых, свидетельствуют музыковеды, слышны в полонезе ля минор, сегодня именуемом «Прощание с Родиной».

Прочитанные в Вильнюсском университете «Мемуары» позволили мне в августе 1959 года выступить со статьей «Агіньскі на Маладзечаншчыне» в областной газете «Чырвоны сцяг». И несколько пожалеть об этом, ибо вскоре в Залесье, в местный колхоз, приехал корреспондент минского радио и спросил: «Ну, кто здесь помнит местного пана, писавшего музыку?» В ответ услышал недоуменное: по возрасту,

может, местный пастух? После чего состоялся такой вот разговор этого пастуха и корреспондента:

— Скажите, вы помните последнего пана, который сочинял музыку и написал полонез «Прощание с Родиной»?

— А як жа, памятаю: калі быў малы, гнаў сюды кароў і іграў на дудцы, ён часам да мяне падыходзіў, слухаў, гладзіў па галоўцы, казаў: «Ну, іграй—іграй, гэта душа твая іграе...» А цяпер паслухалі б вы, як хораша іграе той паланез мой малодшы сын, што летась пайшоў у музычную школу.

Слушая ту передачу, я тогда улыбнулся: сколько же лет должно быть пастуху, чтобы говорить такое...

А московское радио никуда корреспондента не посылало. На поступившую из Беларуси весть оно откликнулось романтической постановкой, где Огиньский пишет «Прощание с Родиной» в трактире на границе с Пруссией во время отступления костюшковских войск после поражения восстания. За окном гремит гром, льется дождь, а композитор, воодушевленный первой любовью к некоей мифической панне Ядвиге, высказывает ей свои чувства музыкой... Какая там первая любовь, подумалось мне, ведь на тот момент Огиньский был уже женат. Да и инсургенты, переходя границу, еще верили, что вскоре вернутся на родину...

В авангарде повстанцев

Однако настала пора опять вернуться к мемуарам нашего славного соотечественника — на этот раз к более достоверному, чем познаньский, источнику, который совсем недавно, перед юбилеем, увидел свет в минском издательстве «Четыре четверти». По-иному читался он, чем при написании моих предыдущих эссе об Огинском. В частности, раньше я не видел особого смысла в повстанческом походе Михала Клеофаса 1794 года в направлении Минска и не заметил (или его в познаньском издании и не было) описания его встречи с императором Александром I на балу в Минске в 1802 году. Теперь же убедился, что поход Огинского на белорусские земли был хорошо продуман и целенаправлен. Отряды повстанцев стояли в Вильнюсе в бездействии. Поэтому Михал Клеофас решил, что если к доверенным генералом Ясинским двум сотням кавалеристов он добавит примерно столько же вооруженных за свой счет пеших стрелков, сделает из них «авангард» и возглавит его в походе на Минск, то достигнет нескольких целей. «Я берусь, — говорится в «Мемуарах», — проникнуть на территорию Белой Руси и поднять там десяток тысяч крестьян на землях, принадлежащих моей семье, отпустив их на свободу, — чтобы усилить свой корпус новобранцами, насколько это возможно».

Таким образом, Огиньский двигался из Вильно на Минск во главе двух сотен кавалеристов, полученных в Ошмянах от генерала Ясинского, и трех сотен стрелков-пехотинцев, вооруженных за собственные средства. Шли через Боруны, Воложин и Ивенец. По дороге узнали, что слева и справа от них расположены части противника — корпуса генералов Кноринга и Цицянова. Поэтому пробирались в Воложин ночами, проявляя различные тактические маневры. В Ивенец попали, когда туда на праздник съехались на повозках окрестные крестьяне, а в каретах — шляхта. И те и другие с пониманием предоставили Огиньскому свои транспортные средства для вывоза в Вильно накопленных в местечке запасов сукна и металлических изделий.

Однако в Ивенце настроение повстанцам испортила весть о том, что в Минске губернатор Неплюев собрал все российские силы из ближайших селений и сделал город неприступным, даже если его брать неожиданно и с юга. Пришлось возвращаться, и уже новым путем — через Бакшты и Саковщину. Около Вишнева повстанцев окружил полк Николая Зубова. Автор «Мемуаров» признается: в бою «были

потеряны все трофеи, взятые в Ивенце, моя касса, в которой было не менее семи тысяч дукатов золотом, много ценных вещей, принадлежавших мне лично, и все мои бумаги». Шляпу Михала Клеофаса, когда он «безоглядно кинулся в атаку», в нескольких местах пробили пули, а сам он попал бы в плен, если бы его лошадь не схватил за уздцы офицер Павлович.

И тем не менее потери войск Огиньского на белорусской земле были оправданы Тадеушем Костюшко, к которому Михал Клеофас ездил из Вильно под Варшаву для отчета и получения дальнейших советов. Выполняя один из них, Огиньский повторил поход из Вильно, но на этот раз не на восток, а на север — на Браславщину и к берегам Двины–Даугавы. Но силы уже были неравны — пришлось отступить, пробиваться в эмиграцию, продолжавшуюся восемь лет.

Возвращение из эмиграции

Из заграницы (Австрия, Италия, Турция, Франция, Пруссия) Огиньский посчитал возможным вернуться только в 1802 году, когда на престол вступил Александр I. Казалось бы, у инсургента, а потом изгнанника были все основания, чтобы возненавидеть Россию и русских. Но нет, он, судя по «Мемуарам», не отождествлял народ и страну с политическими распрями. Позволю себе привести отрывок по минскому изданию из первой главы восьмой книги «Мемуаров».

Итак, встреча Огиньского с Александром I произошла в Петербурге 15 февраля 1802 года. Далее цитирую: «Император принял меня с присущей ему предупредительностью и приветливостью... По высочайшему повелению императора для рассмотрения моего вопроса была создана специальная комиссия, и я получил право на наследование всего того, чего меня лишили во время моего отсутствия. Кроме того, мне назначили пожизненную ренту, которой мне было вполне достаточно и для меня, и для семьи».

Пребывание в Петербурге возродило у Огиньского надежды: «28 апреля 1802 года я выехал из Петербурга с твердым намерением обосноваться вместе с семьей в деревне под Вильно (т.е. в Залесье, уже подаренным Франтишком Ксаверием Огиньским. — А.М.), жить там в полной свободе, ни от кого не зависеть и если чем и заниматься, то только обустройством усадьбы».

Но несколько недель спустя пришло известие, что император Александр «собирается совершить поездку в Минскую губернию и в Белую Русь». И далее читаем в «Мемуарах»: «Я посчитал своим долгом выразить царю свое почтение в этих краях...»

Затем на двух страницах следует описание обеда и бала у минского губернатора, свидетельствующее не только об эрудированности и наблюдательности автора, но и его писательском таланте. Разговор за обеденным столом велся не только о политических, научных, этических проблемах, а на балу император похвалил минчан за то, что они преодолевают сословные предрассудки и ограничения, приглашают на торжества не только дворянок, но и мещанок.

После встречи в Минске Огиньский сопровождал императора в его поездке в Могилев и Витебск.

Печаль расставания

В том же 1802 году Михал Клеофас вернулся в Залесье, занялся там строительством и благоустройством. Но вскоре, узнав, что Наполеон добился образования Великого герцогства Варшавского, решил, что настала пора возродить в составе российского государства Великое княжество Литовское. Императору Александру этот замысел понравился: он пригласил Огиньского в Петербург, сделал

его своим сенатором и советником. И когда началась Отечественная война 1812 года и белорусские земли заняли французы, Михал Клеофас был уже не в Залесье, а в Петербурге.

К сожалению, последние книги и главы, добавленные Огиньским к «Мемуарам» уже в Италии, к моменту написания данного эссе еще не вышли из печати. Поэтому о последних годах нахождения политика и композитора в Залесье могу судить только по книгам его потомков Анджея и Иво Залусских, проживающих ныне в Великобритании, а также по другим источникам. Из них следует, что время, события, семья делали его все более замкнутым, одиноким. Как человек, способный предугадывать будущее, он, безусловно, предчувствовал наступающие перемены к худшему — и преследование виленских филоматов и филаретов, и подавление восстания декабристов, многие из которых проживали в Беларуси и были ему лично знакомы. Поэтому Огиньский удаляется в Италию, поселяется во Флоренции, где его потом изредка навещают дочери. А перед отъездом, в 1822 году, пишет, очевидно, свой последний полонез. Он наполнен глубокой печалью расставания, предчувствием смерти, которая наступила на чужбине 15 октября 1833 года. И все равно — даже сквозь траурную мелодию там пробиваются фанфарные звуки победы.

Теперь, когда по решению ЮНЕСКО в Беларуси и во всем мире широко и торжественно празднуется 250-летие со дня рождения Михала Клеофаса Огиньского, его разностороннее наследие — впечатляющая музыка, мемуарное завещание — служат не только странам-соседям — Беларуси, Литве, Польше и России, но и всей любимой им и любящей его Европе.

Адам Мальдис